

ли, соответственно, 38,7, 25,3 %, что незначительно выше у прокуроров и ниже у следователей СУ СК при ГП РФ в сравнении с аналогичными ответами всех опрошенных.

Примечание

¹ Лазарева В.А. Проблемы доказывания в современном уголовном процессе России: учебное пособие. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2007. С. 26–29, 36–37, 43, 46.

² Михайловская И.Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М.: Проспект, 2006. С. 7–9.

³ Лебедев В.М. Судебная власть в современной России: проблемы становления и развития. СПб., 2001. С. 188–190, 202–203.

⁴ Божьев В. Комментарий к ст. 1 УПК РФ // Законность. 2009. № 4. С. 15.

⁵ Бюллетень ВС РФ. 2010. № 1.

⁶ Божьев В. Пленум Верховного Суда РФ о производстве в суде надзорной инстанции // Законность. 2007. № 4. С. 19.

⁷ Божьев В. Существенные нарушения норм УПК // Законность. 2009. № 1. С. 4.

⁸ Якимович Ю.К. Нужны ли современной России несколько одновременно действующих уголовно-процессуальных кодексов? // Международные юридические чтения: материалы международной научно-практической конференции. Омск: Изд-во Омск. юрид. ин-та, 2006. Ч. 4. С. 7.

*Н.А. Колоколов**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПОНЯТИЯ, ИЕРАРХИЯ

В советский период не только многие государственные и правовые институты, но и сами государство и право рассматривались как явление временное, свойственное лишь определенному историческому периоду. В частности, существование уголовного судопроизводства объяснялось наличием преступности – досадного родимого пятна, уродующего светлый образ социалистической действительности, исчезновение этого пятна напрямую связывали с разрешением триединой задачи коммунистического строительства.

В силу этого обстоятельства исследование уголовного судопроизводства в качестве самостоятельного способа разрешения социальных конфликтов, носящих закритический характер, в число приоритетных научных изысканий никогда не входило. Более того, отвержение по иде-

* © Колоколов Н.А., 2010

Колоколов Никита Александрович – судья Верховного Суда РФ (в отставке), доктор юридических наук, профессор кафедры судебной власти и организации правосудия Высшей школы экономики

ологическим соображениям концепции разделения властей полностью лишило ученых возможности правильно определить природу уголовного судопроизводства, его значимость в общественном развитии.

Поэтому неудивительно, что в эпоху перемен, закономерно грянувших на рубеже второго и третьего тысячелетий, российская правовая наука вошла без необходимой суммы теоретических знаний о преступности вообще и о способах борьбы с ней в частности. Результат длительной информационной самоизоляции нашего общества проявился и в рамках реформы уголовного судопроизводства. Начавшись в конце 80-х годов прошлого столетия, она вскоре сама по себе приостановилась, в том числе и потому, что у общества отсутствовала научно обоснованная концепция развития уголовного процесса. В этой связи реформаторам уголовного судопроизводства пришлось ограничиться поспешным копированием апробированных в других странах законоположений, численным увеличением корпуса работников, занятых в уголовном процессе, укреплением их материально-технического обеспечения.

Некоторые специалисты утверждают, что за 20 лет правовой реформы сделано немало, однако, несмотря на принятие Конституции 1993 года, УПК РФ 2001 года, воспевающих принцип состязательности, настоящего состязательного судопроизводства в России как не было при советской власти, так и нет до сих пор.

По крайней мере, специалисту, посвятившему четверть века уголовному судопроизводству, очевидно одно: принципиальных изменений в отечественном уголовном процессе пока не произошло!

Во-первых, в наши дни, как и в период сталинизма, насилие — «повивальная бабка» уголовно-процессуального доказывания, а судебное разбирательство — фарс, ибо «сказанное следователю дороже произнесенного в суде».

Во-вторых, в России по-прежнему нет сторон, так как за результаты рассмотрения уголовного дела перед обществом отвечает только суд. Никто еще строго, по-настоящему, не спросил:

— с органов предварительного расследования за то, что они не удосужились собрать доказательства, достаточные для постановления обвинительного приговора;

— с органов прокуратуры за то, что они, имея надлежащую доказательственную базу, провалили обвинение в суде;

— с органов адвокатуры за то, что ее представители не отстаивали невиновного.

Тем временем от суда требуют не то что невозможного, а просто незаконного: например, «наказать по полной программе» попавшего «под горячую руку» рядового «стрелочника».

Да и нет пока в России самого главного — самостоятельного суда первой инстанции, поскольку им, как и раньше, руководит вышестоящий суд, который согласно сохранившейся с советских времен концепции, не исследуя доказательств, вправе навязать первой инстанции свой подход к оценке доказательств.

В чем причина консервации негативных тенденций в российском уголовном судопроизводстве. Почему это стало возможно? Причин множество. В рамках системного анализа все они легко узнаваемы. Вот наиболее существенные из них.

Проблема взаимоотношения общества (в лице государства) с преступником. Истории известны два варианта этих отношений. Первый: преступник — враг! Любое взаимодействие с ним (в том числе и выгодное для потерпевшего) недопустимо. У преступника есть только одно право — каяться. А уж казнить его или миловать — право общества, государства, суда. Второй вариант: преступник — сторона в правоотношении, с которой желательны любые взаимовыгодные связи.

Лучшие мировые стандарты уголовного судопроизводства свойственны демократическим обществам. Они давно согласились на сотрудничество с преступником, пошли по пути формирования неформального состязательного уголовного процесса, в результате чего смогли минимизировать конфронтацию в уголовном судопроизводстве между сторонами и, как следствие этого, резко удешевить его. В данном случае объем ограничения прав и свобод личности, привлекаемой к уголовной ответственности, в значительной степени предопределен, прежде всего, поведением стороны защиты.

Там, где «чистосердечное признание — прямая дорога в тюрьму», стороне обвинения, как и раньше, приходится тратить народные деньги на доказывание очевидного. Наше общество (а вместе с ним и ученый мир, и законодатель), провозгласив состязательность в качестве основополагающего принципа уголовного процесса, не сочло нужным наполнить его необходимым содержанием, а именно по-настоящему заинтересовать сторону защиты в сотрудничестве со стороной обвинения.

Очевидно, что обозначенная проблема далеко выходит за рамки собственно уголовного процесса, ибо носит междисциплинарный характер, тем не менее, без ее разрешения дальнейшее движение российского уголовного процесса немыслимо. Очевидно и то, что разработка этой проблемы не возможна без переоценки некогда незыблемых постулатов. В их числе, **во-первых**, цели и задачи уголовного процесса; его реальная роль, а не воображаемая роль в борьбе с преступностью; экономическая обусловленность уголовного судопроизводства как вида государственной деятельности; критерии эффективности уголовного процесса

в целом, отдельных его элементов в частности; унификация-благо или унификация-вред.

Во-вторых, важнейшее значение имеет установление оптимального баланса между частным и публичным в инициации процесса; отказ от обязательности установления истины по каждому делу; формальное и неформальное в отношениях между сторонами; примирение – предпочтительная форма разрешения конфликта.

В-третьих, речь, конечно же, идет об оптимизации регламента судопроизводства. Работая в данном направлении, в первую очередь, следует помнить о субъектах процесса, их правовой культуре, реальных возможностях.

В этой связи направлением научного познания может быть проблема, в рамках которой уголовное судопроизводство рассматривается не само по себе (некая «вещь в себе»), а в сфере профессиональной деятельности.

Подобный подход позволит пересмотреть многие проблемные вопросы, наличие которых обусловлено структурой уголовного процесса как проблемного объекта понимания и описания. Такой подход к организации научного познания вовсе не исключает изучения уголовного процесса в статике. Далеко не все сделано еще в сфере проблемы текстов как источников уголовно-процессуального права. Данное правление научной деятельности может быть разделено на общие и специальные оставляющие. Для первых характерно изучение структуры текстов, их юридико-технических элементов.

Для специальных составляющих характерен выход за рамки догмы уголовного процесса, взгляд на проблематику через призму многих других наук, в первую очередь, философии, социологии, политологии, психологии, теории государства и права.

Специальным направлением познания является уголовно-процессуальное правосознание как профессиональных юристов, так и иных лиц, втянутых в механизм уголовного судопроизводства.

Отсутствуют фундаментальные исследования уголовного процесса, которые могут позволить с той или иной долей достоверности выработать модель развития отечественного уголовного судопроизводства.

Научные исследования нуждаются в индикаторах проблемных ситуаций, их наличие позволит оперативно переводить результаты научных опытов в уголовно-процессуальные концепции.

Анализ судебной практики свидетельствует, что современный российский правоприменитель пребывает, как правило, вне рамок общепризнанных мировых стандартов процесса, иными словами, вне рамок демократической идеологии. Он также не обладает совокупностью знаний, наличие которых необходимо для оперативной ориентации в сфере

юридической информации. Не обладает российский правоприменитель также и комплексом навыков, которые необходимы ему, во-первых, для того чтобы пользоваться нормативной базой, во-вторых, применять со-держашуюся в нормах права информацию на практике.

*В.С. Балакшин**

ИСКЛЮЧЕНИЕ ИЗ ПРОЦЕССА ДОКАЗЫВАНИЯ НЕДОПУСТИМЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ СУДОПРОИЗВОДСТВА

Устанавливая в Уголовно-процессуальном законе правила признания доказательств недопустимыми, законодатель достаточно легко отнесся к регулированию порядка их исключения на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. К такому выводу приводит анализ требований ст. 88, 235 и других норм УПК РФ. Он же свидетельствует о том, что законодатель предусмотрел два порядка исключения из процесса доказывания недопустимых доказательств.

Так, в ч. 3 ст. 88 УПК предусмотрен порядок, который должен применяться на стадии предварительного расследования, а в ч. 4 — на стадии назначения судебного заседания и судебного разбирательства. При этом, если процедура признания доказательств недопустимыми и их исключения из процесса доказывания на судебных стадиях регламентирована достаточно подробно, то применительно к стадии предварительного расследования ее регламентация практически отсутствует.

Согласно названной норме «прокурор, следователь, дознаватель вправе признать доказательство недопустимым по ходатайству подозреваемого, обвиняемого или по собственной инициативе. Доказательство, признанное недопустимым, не подлежит включению в обвинительное заключение или обвинительный акт». Эти положения закона явно несовершенно. Они не позволяют решить целый ряд вопросов, возникающих в практике расследования уголовных дел. Одной из причин несовершенства приведенной нормы является, на наш взгляд, упрощенное законодательное толкование понятия доказательства в уголовном процессе.

Между тем от того, насколько в законе использована научно обоснованная формула названного понятия, во многом зависит правильность принимаемых решений не по одному десятку самых разных вопросов, в том

* © Балакшин В.С., 2010

Балакшин Виктор Степанович — доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Уральской государственной юридической академии